

...Вы подняли красное знамя восстания и стали, кто чем мог, уничтожать всю эту сволочь... Теперь вы встречаетесь с регулярной Красной Армией...

Товарищи красные повстанцы! Вы доблестно выполнили свой революционный долг... Для окончательного закрепления власти рабочих и крестьян, т. е. Советской власти, наша основная задача — всем, как один, вступить в ряды регулярной Красной Армии, под единое командование. А посему приказываю:

а) При соединении с регулярными красными частями переходить в полное подчинение командования регулярной Красной Армии и беспрекословно выполнять все его приказы.

б) Все вооружение и имущество передавать по описи полностью.

в) Об исполнении довести в штаб повстанческих советских войск Левобережной Украины, г. Кременчуг».

За время партизанской войны (с сентября по декабрь 1919 года) мы задолжались перед крестьянством, так как снабжение наших отрядов производилось (если исключить добровольные пожертвования, конфискацию у кулаков, а также трофеи) в кредит, по подпискам. После соединения с Красной Армией перед Реввоенсоветом повстанческих советских войск был поднят вопрос об уплате по нашим счетам крестьянам, а также о выплате жалованья повстанцам. Всеукраевком, а затем Совнарком удовлетворили эту просьбу.

ДАГЕСТАН В ОГНЕ¹

В середине августа 1919 года население нагорной части Дагестана, за исключением Аварского округа, восстало против господства Деникина. Казачьи отряды были частью обезоружены, частью уничтожены. Все попытки восстановить положение кончились для руководителей белогвардейского движения неудачей.

Деникинские банды, в состав которых входило контрреволюционное дагестанское офицерство во главе с генералом Халиловым, отказались от дальнейшего наступления и приняли оборонительную тактику.

Однако поражение на боевом фронте еще не знаменовало собой окончательной ликвидации контрреволюции. В скором времени в лице так называемого «горского правительства», субсидированного азербайджанской и грузинской буржуазией, она вновь подняла голову. Кстати, существование этого правительства оказалось очень непрочным, так как на дагестанской политической арене появился турецкий офицер Казим-бей, который установил систему самого безудержного террора. Его сменил другой авантюрист Нури-паша.

Между прочим, будет не лишним заметить, что Нури-паша пытался войти в связь с революционным Советом обороны, находившимся тогда в селении Леваша. Перед своим появлением в Дагестане он сумел создать впечатление человека, предрасположенного, если можно так выразиться, к восприятию большевизма, идейного защитника родного ему по вере мусульманского населения.

¹ Впервые под заголовком «Гражданская война в Дагестане» опубликовано в журнале «Новый Восток» (кн. 3, 1923). Печатается в сокращенном виде.

Вскоре, однако, Нури-паша показал свое настоящее лицо и обратил всю энергию против дагестанской бедноты, о защите интересов которой он незадолго перед тем так много говорил. Были расстреляны многие товарищи, в том числе известные коммунисты Казбеков и Буйнакский.

Фронт отодвинулся от осажденных городов Темирхан-Шура, Петровск и Дербент к самым выходам в ущелья; равнинная часть Дагестана, таким образом, оказалась под властью белогвардейцев.

К этому времени относится и попытка грузинской буржуазии помочь своим политическим единомышленникам — прислать в Дагестан довольно значительные боевые силы под общим руководством генерала Кереселидзе. Но бакинские коммунисты сумели пресечь эту авантюру, и пресловутый генерал Кереселидзе вынужден был вернуться в Грузию.

И еще один факт, характеризующий методы борьбы контрреволюции для достижения своих целей. Я имею в виду появление в горах (в селении Салты, Гунибского округа) Узун-Хаджи, сделавшего попытку насаждения так называемой «Шариатской монархии». Потерпев неудачу, он перебрался в горные ущелья смежного Андийского округа, а впоследствии распространил свое влияние и на территорию Чечни.

Небывалый террор, последовательно проводившийся Казим-беем и Нури-пашой, вся сложившаяся обстановка произвели значительный сдвиг в настроении народа. В Дагестане вокруг отряда Н. Гикало стало организовываться партизанское движение, которое оказало существенную помощь нашим силам в ожесточенных боях за Дербент и другие города и селения.

Девятнадцать дней сражались мы с белогвардейцами на улицах города. Обе стороны понесли большие потери, однако победа все же оказалась за нами.

К началу марта 1920 года объединенными усилиями Красной Армии и горских партизан, выступавших под лозунгом «Вся власть Советам», были окончательно ликвидированы отряды белых и освобождены Темирхан-Шура и Петровск. Крепость Хунзах, обороняемую приверженцами Кайтмаса Алиханова, взяли повстанцы Аварского округа. Узун-Хаджи под влиянием нашей агитации отозвал свои войска из Андийского округа.

Таким образом, первый этап гражданской войны в

Дагестане окончился. Казим-бей и Нури-паша оставили после себя тридцать разрушенных аулов, деникинские офицеры — разоренный Дербент. Однако разруха в республике и последовательное насаждение в течение трех лет мамизма, панисламизма, пантюркизма, национализма и других «измов» не смогли ослабить революционных тенденций передовой части дагестанского народа. Ярким примером тому может служить поведение горской бедноты на съезде народов Востока, происходившем в Баку. Делегаты Дагестана образовали здесь крайнее левое крыло и сыграли в некотором смысле роль идейных руководителей народов Востока, представленных на этом съезде.

Боевые успехи частей 11-й армии и партизан, а также резкий перелом в настроении народных масс позволили упразднить Совет обороны, руководимый товарищем Коркмасовым, и приступить к организации Советской власти в лице революционных комитетов.

В центре Дагестана, Темирхан-Шуре и Петровске, где имелись творческие силы, практически знакомые с советским строительством, ревкомы были созданы сравнительно легко. На местах же это затруднялось вековой отсталостью населения, его религиозным фанатизмом, а также отсутствием необходимых кадров советских и партийных работников.

Второй, наиболее жестокий, период гражданской войны начался с восстания против Советской власти, которое возглавили имам Нажмудин Гоцинский и полковник Кайтмас Алиханов. Оно было вызвано не столько влиянием в народе, сколько целым рядом ошибок, допущенных на местах и в центре Дагестана руководителями некоторых советских учреждений, незнакомых с бытовыми условиями и характером горцев.

Известную роль в этом сыграл также и религиозный фанатизм горского населения. Хитрый, умный, с большим ораторским талантом, шейх, свободно оперировавший цитатами из корана, несомненно, производил большое впечатление на людей, не разбирающихся в вопросах веры и в условиях общественного уклада.

Восстание началось на юге, на границе с Грузией, правительством которой в лице Жордания и Рамиявили вместе с Врангелем выступило в роли идейного руководителя новой авантюры и поставщика оружия, боеприпасов, денежных средств и войск.

Накануне этих событий по инициативе Гоцинского и Алиханова в селении Диталь состоялся съезд, на котором присутствовали представители меньшевистского правительства Грузии. Именно там первый был назначен военным министром, а второй присвоил себе звание имама Дагестана и Северного Кавказа.

Несколько слов об имаме Гоцинском. Это житель селения Гедо, Аварского округа, Донного Магомед-оглы, один из наиболее богатых овцеводов Дагестана, злостный эксплуататор, неоднократно награждаемый царским правительством.

В целях укрепления своих позиций в смысле психологического воздействия на фанатически настроенные аварские массы Гоцинский пригласил из Константинополя мнимого внука имама Шамиля Саид-бека, офицера французской службы.

Это движение развивалось под лозунгом «Имамство и шарият», столь магически действовавшим на горского бедняка.

Распространяя свое влияние в горных округах Дагестана, Нажмудин Гоцинский писал: «Знайте, что я приду и что меня поддерживают семь великих государей мира. Изгоняйте большевиков и установите шарият, который гарантирует вам вашу жизнь и ваше достояние. Со мною идут грузинские, турецкие и английские войска».

С другой стороны, значительную пиццу для усиления восстания давала агитация Гоцинского, заявлявшего о слабости большевиков, которую-де они и сами не скрывают. Так превратно истолковал имам призыв Советской власти к горской бедноте встать на борьбу с бароном Врангелем.

(Кстати говоря, горская беднота активно откликнулась на призыв «Все на Врангеля!» и выставила до двух тысяч бойцов-добровольцев.)

Обильным потоком распространялись слухи о «социализации женщин» большевиками, «уничтожении стариков» и другие пелыбылицы.

Восстание, поднятое Гоцинским и Алихановым и сразу же приобретшее некоторый успех, произвело значительное впечатление на горское население, в результате чего к повстанцам вскоре присоединились Гунибский, Аварский округа и часть Андийского.

Главный контингент повстанцев составляли, таким об-

разом, горцы аварского племени, исстари воспитанного на глубокой и фанатичной вере в имамство и шарият и потому сравнительно легко поддавшегося провокационной агитации. Известную роль в распространении повстанческого движения сыграла также близость восставших округов к грузинской границе.

Незначительные остатки красноармейцев, милиционеров и красных партизан вынуждены были запереться в крепостях Хунзах и Гуниб, в надежде получить от нас необходимое подкрепление вооруженной силой.

В отдельных аулах Андийского округа произошел раскол населения на нейтральных и открытых сторонников Советской власти. Такая позиция андийцев, между прочим, объясняется поведением уполномоченного Дагревкома, проявившего в работе среди местного населения необходимый такт.

По этому поводу известен любопытный факт. Агитатор долго говорил на митинге, и бедняки внимательно слушали гостя. Его речь переводил уполномоченный Дагревкома. Наконец, когда наступило время полуденного намаза, слушатели заявили, что следует устроить перерыв. Агитатор возмутился:

— Какие же вы большевики, если не можете, несмотря на все слышанное вами, отказаться от молитвы?

Горцы спросили, что сказал агитатор. Уполномоченный понял ошибку товарища и сознательно «затруднился» перевести сказанное им. «Большевики», прогнавшие перед этим казачьего подковника Кайтмаса Алиханова из крепости Хунзах, отправились на молитву...

Следует заметить, что те военные руководители, которые не были знакомы с географическими и бытовыми условиями Дагестана, допускали серьезные ошибки. Примером тому может служить так называемая араканская история.

Отряд, имевший задачу помочь осажденным в крепости Хунзах, расположился в Араканском ущелье. Его обоз и артиллерия растянулись вдоль шоссе-дороги перед самой крепостью. Не имея возможности для маневра, отряд был уничтожен врагом.

Чтобы восстановить положение — освободить осажденных в Хунзахе и Гунибе, в Шуре было создано два отряда. Одним из них поручили командовать мне, другим — товарищу Шеболдаеву. Сил, которыми мы распо-

лагади, было недостаточно, но горская беднота не осталась безучастной к развивающимся событиям. Так по дороге в Гуниб к моему отряду еще в Дженгутае пристала небольшая группа партизан. И это явление неизменно повторялось на всем пути следования.

Неподалеку от Купы меня предупредили, что жители этого селения ведут себя подозрительно — могут не поддержать нас. Я остановил отряд и глубокой ночью с тремя бойцами отправился в Купы. Прибыв туда, мы собрали наиболее авторитетных жителей аула и призвали их присоединиться к нам. Дабы произвести должное впечатление о силе нашего отряда, утром по моему приказанию на Купинский перевал подтащили одно орудие. Увидев его, местные жители покончили с колебаниями и перешли на нашу сторону.

Между прочим, выстрел, произведенный из этого орудия, поднял настроение осажденных в крепости Гуниб: они поняли, что к ним идут на подмогу.

Благодаря удачному использованию наличных сил и обходу Гуниба с тыла повстанцы во избежание разгрома сняли осаду с обеих крепостей.

Однако вскоре положение вновь изменилось. Используя в своей пропаганде факты недостойного поведения отдельных бойцов, враг распространял слухи о жестокостях, чинимых Красной Армией над мирным населением. Крепости Гуниб и Хунзах были осаждены вторично.

Во время второй осады Гунибский и Хунзахский гарнизоны были отрезаны неприятелем почти на два месяца. Они выдерживали ожесточенные бои и испытывали недостаток в продовольствии и боеприпасах. В крепости Гуниб, например, бойцам пришлось есть конину. На почве недоедания, перешедшего вскоре в голод, развились различные эпидемические заболевания. Особенно свирепствовал сыпной и брюшной тиф. Крепость Хунзах находилась в более благоприятных условиях.

В своем донесении военком ботлихского отряда писал: «Оказавшись в крепости Хунзах без продовольствия, мы принуждены были соблюдать величайшую экономию в патронах и вести активную оборону крепости.

В результате наших действий неприятель был разбит. Нам удалось взять орудие, захваченное бандитами в Аракнах, и удержать за собою Хунзахское плато.

Во время осады крепости красноармейцы получали

полфунта хлеба и столько же мяса, благодаря чему удалось сохранить всех лошадей бригады. Продовольствие мы добывали в окрестных аулах. Сочувствовавшие нам селения Хунзах и Хариколо оказали большую поддержку.

Из местных сил большую выдержку и храбрость в деле обороны крепости выказали партизанские отряды товарищей Атаева и Шахмала Салихова. Отряд Атаева отличался величайшей устойчивостью и подвижностью в делах по сохранению за нами Хунзахского плато и в операциях по соединению с двигающимися на освобождение крепостей частями со стороны Шуры. Отряд раненного еще в октябре Шахмала Салихова, помимо сохранения за нами Ахвахского участка, занял единственную проезжую дорогу из Адийского округа в Анцухо-Капучинский участок (и далее в Грузию), не пропуская оттуда ни одного бандита; два раза отразил наступление внука Шамыля Саид-бека на Ахвахский участок с большими для неприятеля потерями. Согласно вашему приказу Салихов перешел в наступление на Годатлинский мост и у селения Закаты и Хорского моста разбил неприятеля, целиком захватив в плен кавказский отряд в количестве пятидесяти человек».

Подобное положение продолжалось до появления отрядов 12-й дивизии, сразу определившей дальнейшую участь борьбы. В отношении упорствующих повстанцев были применены самые суровые меры. Это обстоятельство послужило новым фактором для усиления контрреволюционной агитации агентов Гоцинского. Вражеская провокация способствовала дальнейшему обострению положения.

Гражданская война не ограничилась освобождением крепостей Гуниб и Хунзах. Потребовалось огромное напряжение сил регулярных частей и партизанских отрядов для окончательной ликвидации авантюры, возглавляемой Гоцинским.

Большая заслуга в борьбе с контрреволюцией принадлежит члену Реввоенсовета Кавказского фронта Г. К. Орджоникидзе. Его указания, основанные на хорошем знании обычаев и быта населения горного Дагестана, и значительной степени облегчили нашу борьбу не только во время освобождения Гуниба и Хунзаха, но и во всех последующих операциях против отрядов Гоцинского и Алиханова вплоть до окончательного освобождения молодой республики от власти контрреволюции.